

УДК 81'23

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД

С.А. Чугунова

С опорой на экспериментальные исследования постулируется деятельностный (психолингвистический) подход к переводу и привлечение разработанных в его рамках теорий, методов и приёмов изучения, так как очевидно, что перевод – это сложный, многогранный, многоступенчатый психический процесс, не укладывающийся в жёсткие логико-рационалистические рамки лингвистического анализа. В частности, рассматривается психотипическая / интерпретативная деятельностная теория перевода и поднимается вопрос о психотипическом сходстве автора и переводчика как условия порождения адекватного текста перевода. Одним из проявлений такого сходства может быть сходный гендерный психотип. Также в свете деятельностного подхода производится обзор публикаций по взаимосвязанным проблемам оценки качества перевода, переводческой компетенции и коммуникативного эффекта текста; описывается экспериментальный опыт измерения коммуникативного эффекта исходных и переводных текстов политических лозунгов.

Ключевые слова: *деятельностный (психолингвистический) подход, психотипическая теория перевода, гендерный психотип, оценка качества перевода, переводческая компетенция, коммуникативный эффект.*

Вводные замечания

Межъязыковой перевод (далее – перевод) как «основной механизм, создающий геополитический атлас коммуникативного универсума», характеризуется «стратегической важностью в процессе межкультурных взаимодействий» [Клюканов 1998: 67]. Только в отечественном переводоведении насчитывается большое количество теорий и моделей перевода: теория закономерных соответствий Я.И. Рецкера, информационная теория Р.К. Миньяра-Белоручева, семантико-семиотическая модель Л.С. Бархударова, ситуативная (денотативная) модель В.Г. Гака, теория уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова, функционально-прагматическая (динамическая) модель А.Д. Швейцера, психолингвистическая теория А.Ф. Ширяева, коммуникативно-функциональная теория З.Д. Львовской, герменевтическая модель А.Н. Крюкова, модель механизма социальной регуляции переводческой деятельности В.В. Андриянова, теория военного перевода Г.М. Стрелковского, трансформационная теория И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга (за рубежом её разрабатывал Ю. Найда), теория машинного перевода, созданная Ю.А. Моториным, Ю.Н. Марчуком, Р.Г. Пиотровским и другими), культурологическая концепция В.И. Хайруллина (см. подробный обзор в [Нелюбин, Князева 2009]), теория перевода в аспекте функциональной лингвосемиотики Н.С. Сыроваткина [Сыроваткин 1978]. Все концепции представляют определённую ценность для науки о переводе, вносят в нее свой

вклад; при этом ни одна из них не может претендовать на исключительное положение [Нелюбин, Князева 2009], поскольку не охватывает и не освещает все стороны и грани этого сложного объекта.

Все существующие теории или модели перевода сводятся Н.Л. Галеевой к двум подходам – субститутивно-трансформационному и деятельностному [Галеева 1997: 18]. При первом подходе перевод рассматривается как система манипуляций и замен фрагментов текста фрагментами текста или целого текста целым текстом (в зависимости от того, что избирается лингвистической теорией перевода единицей перевода). При всех заслугах лингвистического подхода к переводу (он предоставил инструментарий и инвентарь переводческих соответствий, трансформаций, предложил критерии качества перевода) его методологическим недостатком является то, что он практически игнорирует «понимающую», рефлексивную составляющую переводческой деятельности [Галеева 2006]. А ведь «в самой своей сокровенной части перевод – это психологический процесс» [Сыроваткин 1978: 18], так как «знаки не переводят сами себя, а переводчик если и медиатор – то креативный» [Сорокин 2000: 108].

Поскольку существенную роль в переводе играют чисто человеческие факторы: закономерности мыслительных процессов, объём памяти, соотношение долговременной и оперативной памяти и многое другое [Сыроваткин 1978: 18], теория перевода нуждается в деятельностном подходе, в данных психолингвистики о механизмах восприятия и порождения речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности. Несомненную ценность для теории перевода представляют разработанные психолингвистами положения: о трёхчленной структуре речевого действия с фазами планирования (программирования), осуществления и сопоставления; о необходимости учёта его цели и мотивации; об эвристическом принципе порождения речи; о лежащем в его основе вероятностном прогнозировании; об активном характере процесса восприятия речи [Швейцер 1988: 21; Ширяев 1979: 12–13]; об ассоциативной структуре семантической памяти; о принципах функционирования индивидуального лексикона и индивидуального знания как достояния активного субъекта речемыслительной (и не только) деятельности; о внутреннем контексте как основании для понимания слова и текста; о проекции текста как продукте процесса смыслового восприятия текста человеком; о функционировании языка как одного из компонентов сложного ансамбля психическим процессов и о многом другом [Залевская 1988; 1990; 1992; 2001; 2005; 2014].

При исследовании перевода как «речемыслительной деятельности по нахождению способа выражения смысла текста средствами языка перевода в конкретных условиях ситуации общения» [Яковлев 2015: 39] теории перевода важно разрабатывать и применять эмпирические методы исследования, включая экспериментальные процедуры и методики, позволяющие увидеть то, что простое наблюдение за деятельностью переводчика или фиксация произведённых им трансформаций и замен не позволяют увидеть и объяснить.

1. Психотипическая теория перевода в экспериментальных исследованиях

1.1. Психотипическое сходство автора и переводчика как условие порождения адекватного текста перевода

Как уже отмечалось, субститутивно-трансформационный и деятельностный подходы к переводу отличаются друг от друга прежде всего отношением к деятелю и деятельности [Галеева 1997: 18]. При первом подходе деятельность сводится к оптимизации системы поиска трансформаций и замен, а при втором перевод рассматривается как речевая деятельность «по заданной в оригинале программе» [там же]. Заданная в оригинале программа выявляется или по мере движения переводчика от одного фрагмента (смыслового узла) к другому, или в ходе мысленной реконструкции движения авторской мысли. Но в обоих случаях можно говорить только о варианте программы оригинала (идиоварианте), «которому следует переводчик и который свидетельствует о мере его психотипической схожести с автором» [Сорокин 2000: 110]. Отсюда основным понятием при деятельностном подходе к переводу объявляется понятие психотипического подобия автора и переводчика, предполагающего опору на инвариантные свойства речевых и неречевых программ обоих субъектов деятельности. «Таким образом, деятельностная теория перевода – это не что иное, как психотипическая / интерпретативная теория» [там же].

Сведение деятельностного подхода в переводоведении исключительно к исследованию психотипической схожести авторов оригинала и перевода может вызывать споры, но нельзя не признать, что в отношении художественного перевода этот аспект должен иметь определённое значение. Имеется в виду, что если при переводе специальной литературы для достижения качества продукта большую роль играет следование правилам и алгоритмам, то при переводе художественных текстов, которые, как правило, не имеют однозначной интерпретации [Нестерова 2010], на первый план выходит интуитивное, ассоциативно-холистическое, творческое мышление, умение мыслить образами, а не по шаблону. И здесь, благодаря механизму эмпатии, переводчику нужно как бы переместиться на позицию автора, «стать похожим на него психотипично, оценивая “картину мира” глазами автора, с его перспективы». Психотипическое сходство автора текста и переводчика определяется как «наличие у переводчика эмоций, подобных авторским, а также фоновых знаний, что создает оптимальные условия для порождения адекватного текста перевода» [Засекин 2010]. Поскольку полная психотипическая совместимость двух людей вряд ли возможна, перевод можно представить в виде подвижной, отклоняющейся влево или вправо, точки на некотором континууме, полюсы которого заданы антонимической парой «полная психотипическая идентичность – абсолютное психотипическое несоответствие» (см. рис. 1).

Рис. 1. Схематичное представление зависимости перевода от психотипической совместимости автора и переводчика

1.2. Гендер как проявление психотипического сходства автора и переводчика

Предположительно, определённое влияние на психотипическую близость двух индивидуальностей оказывает принадлежность к общему биологическому полу и/или общему гендерному типу. Поскольку понятие «гендер» часто смешивают с понятием «пол», необходимо уточнить, что пол является чисто биологической категорией и подразумевает деление всех людей по их биологическим признакам на представителей двух полов – мужского и женского. Понятие же «гендер» следует рассматривать как скорее социально-психологический конструкт [Кирилина 1999], учитывающий социально, когнитивно и психологически обусловленные поведенческие особенности (включая языковое поведение) трёх или даже четырёх типов личности независимо от биологического пола: маскулинного, феминного и андрогинного (смешанного); исследования выявляют ещё один тип – неопределённый.

В 1970-х гг. американский психолог Сандра Бем предложила измерительную методику (*the Bem Sex Role Inventory – BSRI*), представляющую собой вопросник с 20 феминными, 20 маскулинными и 20 нейтральными характеристиками. По этой методике индивиду предлагается оценить ту или иную характеристику применительно к себе по 7-балльной шкале (от «никогда» до «всегда»). Средний балл – 4.5. Если индивидуальный показатель превышает средний уровень по феминности и маскулинности, индивид признается андрогинном. Если показатели феминности и маскулинности оказываются одинаково низкими, гендер не идентифицируется («неопределённый тип»). Типично маскулинные (мужские) черты включают: независимость, агрессивность, склонность к риску, уверенность в себе, высокую степень

самоуважения, более высокую самооценку в области академических достижений, повышенный интерес к своему физическому «Я». К традиционно феминным (женским) чертам относятся: уступчивость, мягкость, способность к сопереживанию, эмоциональность. Андрогин как психотип личности превосходит по своим социальным качествам маскулинный и феминный типы [Вем 1974; 1981; 1993].

Изыскания в области гендерной лингвистики относительно языкового поведения мужчин и женщин показывают, что для лиц женского пола характерны: 1) наличие слов-паразитов (филлеров), т.е. слов, лишенных определенного смысла: *you know / sort of*; 2) разделительные вопросы: *She is very nice, isn't she?*; 3) подъем интонации при произнесении утверждений: *It's really good*; 4) «пустые» прилагательные (примерно то же, что слова-паразиты): *divine / charming / cute*; 5) специфичные определения цветовой гаммы: *magenta / aquamarine / mauve*; 6) усилительные наречия (интенсификаторы): *just / so*; 7) гиперправильная (шаблонная) грамматика; 8) вежливые формы речи: косвенные просьбы, эвфемизмы; 9) отказ от бранной лексики; 10) эмфатическое ударение: *it was a BRILLIANT performance*. Большинство указанных характеристик свидетельствует о женской неуверенности и комплексе неполноценности [Nemati & Bayer [http](#)] (со ссылками на работы Р. Лакофф). В то же время существуют исследования, опровергающие выводы Лакофф, по крайней мере, относительно некоторых параметров в определенных видах дискурса – гипервежливости в интернет-общении [Bunz & Campbell [http](#)], разделительных вопросов, которых в профессиональном дискурсе у мужчин оказывается больше, чем у женщин [Dubois & Crouch 1975].

Работы, посвященные гендерным особенностям перевода, пока не многочисленны. Например, в статье [Горбань, Побережная 2004] гендер понимается как биологический пол, так как в ней сопоставляется язык переводов, выполненных переводчиками мужского и женского полов. Лежащая на переводе «гендерная печать» [Коптілов 1972: 92] выражается в том, что: «на выбор при переводе определённых языковых средств оказывают различное влияние строение и функции головного мозга мужчин и женщин, которые обуславливают психологические особенности мужского и женского пола, а также гендерные стереотипы» [цит. раб.: 25]. «Гендерная печать» исследуется в связи с понятием «удачного перевода», который характеризуется как наиболее близкий к языку оригинала с учётом не только экстралингвистических, но и лингвистических факторов, включающих максимально точное воспроизведение текста на пяти уровнях языка: фонетическом, ритмическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом [там же]. Результаты гендерного сопоставления переводов текстов художественной литературы с польского и болгарского языков на русский язык в исследовании [Горбань, Побережная 2004] сведены нами в таблицу (см. табл. 1).

Табл. 1. Гендерные различия в языке переводов

Переводчики – женщины	Переводчики – мужчины
На фонетическом и ритмическом уровнях различия не выявлены	
Морфологический уровень	
Значительно большее количество местоимений (особенно личных) и частиц: <i>Biezy w dol do strumyka. – Она бежит сквозь ельник.</i> <i>Czy kto nie jedzie do nas? – Не к нам ли в гости кто-то?</i>	Наличие личных местоимений и частиц в переводах с болгарского языка у переводчиков-мужчин объясняется особенностями болгарского синтаксиса: <i>Biezy w dol do strumyka. – К избушке мчитя пани.</i> <i>Czy kto nie jedzie do nas? – Быть может, гости к нам?</i>
Качественные прилагательные употребляются в основном в сравнительной степени: <i>Zsiniale usta, Zbladla jak chusta. – Лицо белей рубахи, Уста синее льда.</i>	Характерное употребление прилагательных (особенно качественных – преимущественно в положительной степени), даже если их нет в языке оригинала: <i>Но в бурят ще бъдем пак със тебе, народе мой, защото се обичахме. – Но знай, народ, с тобой в отрядах первых пойдём вперед мы в буре необычной!</i>
Чаще используют глаголы: <i>Z trwoga dokola rzusa... – Не в силах скрыть тревогу</i>	<i>Z trwoga dokola rzusa... – Смятение и тревога...</i>
Лексический уровень	
Преобладание слов с коннотацией при ее отсутствии в оригинале: <i>biezy – плукает</i> <i>Wreszcie na jedno zdani, Ida razem do pani. – Одна у двух зазноба. И к ней приходят оба.</i>	<i>biezy – бежит</i> <i>Wreszcie na jedno zdani, Ida razem do pani. – Чтоб все решить по чести, Идут к невестке вместе.</i>
Синтаксический уровень	
Чаще используют косвенный порядок слов в предложении с прямым порядком в оригинале:	
Избыточность вводных слов и обращений и включение их даже при отсутствии в оригинале: <i>Ty jeszcze jesteś mloda. – Ты, пани, молода.</i> <i>Rosnij kwiecie wysoko. – Расти, цветок, высоко.</i>	Опущение вводных слов и обращений: <i>Ty jeszcze jesteś mloda. – Ты молода, прекрасна.</i> <i>Rosnij kwiecie wysoko. – Растите так высоко.</i>

Похожее исследование на материале русского, английского и немецкого языков подтвердило представление о женщинах как о более эмоциональных и чувствительных существах [Куликова 2011]. В женских переводах художественных текстов чаще, чем в мужских встречались образные, выразительные средства языка: 89% vs. 62% (использование эпитетов, сравнений и метафор); 69% vs. 46 (передача образности иронии); 0% vs. 32%

(изменение или опущение междометий); 98% vs. 19% (использование диминутивов для выражения отношения к предметам и явлениям); 82% vs. 23% (передача инвективов); 76% vs. 5% (использование прилагательных в превосходной степени); 23% vs. 0,5% (добавление знаков пунктуации). При этом, однако, отмечалось, что некоторые женские переводы характеризуются недостатком выразительных средств, особенно когда речь шла о портретах героинь, и образы женщин в таких переводах выглядят малопривлекательно [цит. раб.: 10]. Также нельзя не заметить, что в данном исследовании переводчицы чаще, чем представители сильного пола, использовали инвективы, тогда как в других исследованиях женский дискурс отличает отказ от бранной лексики [Nemati & Bayer [http](#)]. Иными словами, и в переводах, выполненных представителями одного пола, могут наблюдаться определённые расхождения, которые могут быть обусловлены, кроме прочего, принадлежностью к разным гендерным психотипам, не зависящим от биологического пола.

1.3. Влияние гендерного психотипа переводчика на выбор языковых средств при переводе художественного текста

Цель проведённого нами экспериментального исследования (см.: [Чугунова, Трепышко 2016]) состояла в проверке гипотезы о влиянии гендерного психотипа личности переводчика на продукт перевода (текст). При этом мы не отождествляем понятия гендера и пола, рассматривая пол как биологическую характеристику субъекта и гендер как социально-когнитивно-психологический конструкт, позволяющий выделять четыре типа личности независимо от биологического пола: маскулинный, феминный, андрогинный и неопределённый.

На первом этапе исследования мы обратились к группе из 17 испытуемых (далее – Ии.), студентов-старшекурсников факультета иностранных языков, обучающихся по профилю «Перевод и переводоведение» (64,7% женского пола и 35,3% мужского пола), с заданием протестировать себя при помощи вопросника С. Бем. По итогам психологического тестирования 70,58% (большинство) Ии. были отнесены к андрогинному гендерному психотипу: 63,6% от общего числа лиц женского пола, причём две студентки приближались к маскулинному типу, и 83,3% от общего числа молодых людей. К феминному гендерному психотипу были отнесены 29,42% Ии.: 36,4% от общего числа девушек и 16,7% от общего числа молодых людей. Таким образом, можно сделать вывод, что независимо от биологического пола 12 из 17 участников эксперимента приближаются к андрогинному гендерному психотипу (70,58% от общего числа Ии.) и 5 Ии. – к феминному гендерному типу (29,42% от общего числа Ии.).

Вторым этапом исследования явилось задание письменно перевести без помощи словаря несколько небольших, но относительно законченных по смыслу отрывков с языка оригинала на родной русский язык. Отрывки были взяты из различных по жанру и времени создания англоязычных (британских и

американских) художественных произведений: “The Hitchhiker’s Guide to the Galaxy” (D. Adams), “The devil in the Belfry” (E.A. Poe), “Witches’ Loaves” (O’Henry), “The Triumph of the Egg” (Sh. Anders), “The School for Scandal” (R.B. Sheridan), “The Adventures of Tom Sawyer” (M. Twain). Мы намеренно отказали Ии. в возможности использования словарей, чтобы исключить «готовый», одинаковый у всех продукт и «включить» речемыслительную деятельность, ситуацию выбора, хотя в естественной ситуации перевода переводчик имеет полное право прибегать к помощи такого рода.

Анализ и сопоставление выполненных переводов по гендерному признаку выявили следующие результаты. Переводы, выполненные испытуемыми андрогинного гендерного психотипа, в целом более профессиональны, так как Ии. этой группы реже использовали буквальный перевод и дали больше переводческих трансформаций, в первую очередь лексических, чем Ии. феминного гендерного типа. В частности, при переводе предложения *Often when Miss Martha sat down to her chops and light rolls and jam and tea* андрогины чаще обращались к приёму генерализации, и вместо *булочек и чая с вареньем* переводили: *трапеза, блюдо, обед*. То же самое наблюдалось при переводе предложения *she would sigh, and wish that the gentle-mannered artist might share her tasty meal instead of eating his dry crust in that draughty attic*. Ии. – переводчики феминного типа описывали ситуацию практически дословно: *есть свои сухие крошки в этом заветренном помещении; жевать сухари на чердаке; грызть сухую корку на заветренном чердаке; gentle-mannered: воспитанный и манерный; с манерами джентльмена*. При этом Ии. – андрогины женского пола справлялись с поставленной задачей лучше, чем Ии. – андрогины мужского пола, так как последние чаще опускали сложные случаи, не предлагая никакого варианта толкования текста. Андрогины женского пола чаще употребляли стилистически нейтральные лексические средства, а андрогины мужского – стилистически маркированные. Вместе с тем, анализ многих фрагментов переводов не выявил гендерных различий. Таким образом, гипотеза о влиянии гендерного психотипа переводчика на выбор тех или иных языковых средств при переводе требует дальнейших изысканий с привлечением большего числа испытуемых и более строгого подхода к выбору языкового материала.

2. Оценка качества перевода и переводческая компетенция в экспериментальных исследованиях

2.1. Психолингвистический подход к оценке качества перевода

Вопрос о критериях качества перевода (Translation Quality Assessment) давно волнует переводоведов, однако вплоть до начала XXI в. обзоры исследований на эту тему (см., например, [Waddington 2001]) обнаруживают их

в целом теоретико-описательный характер. Специалисты в области перевода фокусируются на таких проблемах, как:

- критерии для так называемого «правильного» перевода [Newmark 1991];
- природа переводческих ошибок и их разграничение с языковыми ошибками [Kusmaul 1995]; составление каталога возможных переводческих ошибок [Gouadec 1981]; учёт не только языкового, но и прагматического уровня знаковой ситуации [Hatim 1997];
- проблема оценки качества перевода с опорой на текстуальный анализ [Larose 1989], на теорию фреймов и сцен [Snell-Hornby 1995].

Эмпирические исследования, как уже отмечалось, пока оказываются в меньшинстве, однако справедливости ради следует заметить, что в последнее время ситуация начала кардинально меняться: появляется всё больше изысканий, в центре внимания которых оказывается не текст, а понимающий и продуцирующий его человек. Так, в рамках теории переводческого пространства [Кушнина, Аликина 2010], имеющего полевою структуру и объединяющего шесть пересекающихся полей, анализируется специфика той или иной переводческой ситуации (например, устный перевод vs письменный) и, следовательно, всего переводческого пространства в зависимости от формирующихся в них смыслов. Три из шести полей соотносятся с субъектами переводческой ситуации (автором, переводчиком и реципиентом перевода), остальные три являются текстовыми полями (содержательное, энергетическое, фатическое). При этом оценка качества перевода всегда осуществляется его реципиентом. В связи с этим интерес представляют данные об ожиданиях реципиентов в отношении качества устного перевода: большинство (96%) ставит на первое место по значимости смысловую точность и полноту текста перевода (далее – ПТ); на второе место (84%) – недопущение приукрашивания переводчиком оригинала, или исходного текста (далее – ИТ); на третье место (75%) – передачу основных мыслей оригинала; далее (69%) отмечается раздражение из-за неуверенности переводчика и незаконченных фраз, тогда как опущение незначительных деталей вполне допустимо; часть реципиентов ПТ (67%) видят необходимость в идентификации переводчика с автором сообщения. Обращение к индивиду показывает ([Gile 1990]), что требования к качеству перевода могут быть также обусловлены признаками, конституирующими социальную идентичность реципиента: национальную, возрастную, гендерную, профессиональную и другие.

В работах [Яковлев, Манюкова 2014а; 2014б] исследовались индивидуальные предпочтения (опоры) в отношении письменных переводов; в роли реципиентов ИТ и пяти вариантов ПТ выступили студенты-переводчики старших курсов университета. В соответствии с инструкцией Ии. было поручено оценить варианты ПТ как наиболее или наименее приемлемые. Ряд оценок сопровождался комментариями Ии. Полученные комментарии были сгруппированы в две категории: объективные и субъективные; последние, в свою очередь, были разделены на подгруппы: рациональные и эмоциональные.

Позволим себе изобразить выделенные категории опор при выборе перевода с помощью схемы (см. рис. 2).

Рис. 2. Индивидуальные опоры при выборе ПТ

Обзор приведённых в статье [Яковлев, Манюкова 2014б] комментариев заставляет нас усомниться в обоснованности деления объективных и субъективных рациональных опор, во всяком случае, некоторые комментарии по ним практически совпадают: ср.: *из предложения понятно, о чём речь* (объективная опора) – *перечитываешь несколько раз, чтобы понять* (субъективная рациональная опора). Показательно, что опора на так называемые абсолютные системы отчёта, на объективные понятия нормы, эквивалентности, адекватности и т.п. зачастую не поддаётся вербализации, и будущие переводчики оказываются не в состоянии их расшифровать применительно к конкретной ситуации перевода (об этом свидетельствуют ремарка в статье [цит. раб.: 277] и собственные наблюдения в работе со студентами, обучающимися профессии переводчика). Это объясняется, на наш взгляд, тем, что, во-первых, сами термины демонстрируют противоречивость и многозначность в трудах лингвистов (где уж студенту разобраться в многообразии мнений); во-вторых, они оказываются только терминами, которые, безусловно, полезны, но в теории, а как их применять на практике в качестве инструментария при оценке качества перевода, остаётся загадкой.

Существует ещё одна, более фундаментальная, причина трудности вербализации оценки, многозначности оценочных формулировок, проблемы их интерпретации, а также допущения индивидом вариантов перевода как имеющих право на существование: «переводчик не только не придерживается логико-рационалистических критериев при переводе, его выбор в принципе

хаотичен и многогранен, и его очень сложно подвести под общую тенденцию или модель. <...> Выбор переводчика обусловлен множеством взаимодействующих и накладывающихся друг на друга факторов, и лишь инструкция эксперимента заставляет его приостановить “поток сознания” или сконцентрироваться лишь на одном факторе ...» [цит. раб.: 280].

2.2. Переводческая компетенция и анализ речевой деятельности

В качестве отдельной темы психолингвистического анализа речевой деятельности А.Д. Швейцер видит саму способность переводить, т.е. «переводческую компетенцию», в которой объединяются рецептивная компетенция понимания исходного текста, продуктивная компетенция формулирования текста на языке перевода и жизненный опыт переводчика в качестве фонового знания. Предметная область этой теории складывается из: 1) лингвистического описания и классификации переводческих трудностей, возникающих при «переносе» (transfer) исходного текста в язык перевода; 2) разработки лингвистически и психологически обоснованных форм обучения переводу; 3) разработки эффективного, охватывающего все релевантные языковые явления, анализа ошибок (как предпосылки для критики перевода); 4) разработки описательных, интерпретационных и оценочных процедур с целью теоретического и методического обоснования критики перевода [Швейцер 1988: 25]. Таким образом, проблема оценки качества перевода и проблема переводческой компетенции оказываются прямо пересекающимися и непосредственно взаимосвязанными.

Один из первых методов оценки переводческой компетенции в прикладном аспекте был предложен Ю. Найдой, который попытался соединить традиционное сопоставление ИТ и ПТ и подсчёты частотности использования определённых грамматических и лексических единиц в исходном языке и в языке перевода. Например, если известно, что в исходном языке пассивная конструкция используется в 5% возможных случаев, а активная в 95%, тогда как в тексте перевода пассив употребляется в 20% возможных случаев, то из этого следует, что язык перевода лишён естественности в отношении данного признака (цит. по: [Швейцер 1988: 27]).

В работе [Campbell 1991] автор уходит от традиционного сопоставления ИТ и ПТ и сосредотачивается на изучении переводческой компетенции как процесса, привлекая материал англо-арабских переводов, полученных от 38 информантов из четырёх групп с разным уровнем профессиональной подготовки. Анализ каждого ПТ по десяти критериям, таким как коэффициент лексической вариативности (lexical variety ratio), средняя длина слова (average word length), опущение слов (words omitted) и другие, позволил установить существование трёх независимых факторов, определяющих переводческую компетенцию: умение соотносить план выражения с планом содержания (lexical coding of meaning), общее знание языка перевода (global target language

competence), умение производить лексический перенос из исходного языка на язык перевода (lexical transfer competence).

Исследования показывают, что переводческая компетенция предполагает формирование двух независимых навыков (компетенций), представляющих собой соблюдение следующих условий: 1) соответствие (accuracy) содержания ПТ содержанию ИТ и 2) качество выражения в ПТ [Stansfield 1992] (о необходимости соблюдения второго условия см. также: [Яковлев 2014]). Обе компетенции соотносятся с двумя категориями переводческих ошибок, к которым добавляется ещё одна, о чём свидетельствует применение метода анализа ошибок (error analysis). Первая категория включает ошибки, свидетельствующие о дефектах понимания ИТ: искажение смысла (contresens), ложные друзья переводчика (faux sens), нелепицы (nonsense), добавления, опущения, нераскрытая экстралингвистическая информация (unresolved extralinguistic references), десемантизация (loss of meaning), а также несоответствие типов языкового варьирования (регистр, стиль, диалект и т.д.). Вторая группа ошибок отражает недочёты в ПТ в плане выражения: орфографические, лексико-грамматические, стилистические ошибки, а также ошибки на уровне текста (к последним, как известно, относятся нарушения смысловой цельности и последовательности изложения, абзацного членения текста, речевой связности предложений и смысловых частей текста). Третья категория раскрывает неудачи в передаче основной и/или дополнительных функций ИТ [Waddington 2001].

В переводоведении понятие функции текста связывается с такими понятиями, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата. Коммуникативный эффект, или воздействие сообщения на его получателя, представляет собой «производное от функции текста» и «способа реализации коммуникативной интенции автора» [Сдобников 2010: 121]. Задача переводчика видится в том, чтобы «обеспечить максимальное сходство коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ на своих получателей» [там же]. Именно это понимание вкладывает Ю. Найда в понятие динамической эквивалентности, превосходящей по значимости формальную эквивалентность, если говорить о качестве перевода. Несмотря на высокую вероятность сбоя в коммуникативном акте, особенно когда между автором и получателем сообщения появляется посредник – переводчик, коммуникативная цепочка «*коммуникативная интенция (автор) → коммуникативная функция (текст) → коммуникативный эффект (реципиент)*» всегда остаётся в той же последовательности. Определённым образом репрезентированные содержание и форма текста позволяют реализовать коммуникативное намерение автора и произвести на получателя текста соответствующий коммуникативный эффект. Другое дело, что коммуникативное воздействие, произведённое на реципиента ИТ, может по разным причинам не совпадать с коммуникативным воздействием, произведённым на реципиента ПТ. Считается, что при переводе научного текста или документа означенные коммуникативные эффекты, как правило, максимально соответствуют друг другу, и степень переводимости

текстов данных функциональных стилей одна из наибольших. Сложнее дело обстоит там, где вмешиваются образность, аффективность, метафоричность, авторские окказионализмы, лингвокультурные реалии и т.п. [цит. раб.: 121–126].

2.3. Измерение коммуникативного эффекта исходных и переводных текстов политических лозунгов

Поскольку в большинстве случаев рассуждения о качественном переводе как обеспечивающем сходный с ИТ коммуникативный эффект не выходят за рамки теоретических построений, было решено экспериментальным путём сравнить оба результата – эффект, производимый ИТ на носителя языка, с эффектом, производимым ПТ. В качестве экспериментального метода использовался метод семантического дифференциала Ч. Осгуда (1952 г.) в модифицированном варианте, позволяющий измерять латентное отношение к рассматриваемому объекту. В качестве материала исследования были отобраны 10 политических лозунгов партий, участвовавших в выборах 2016 года в Государственную Думу Российской Федерации. Участниками эксперимента выступили студенты бакалавриата 1 и 3 курсов факультета иностранных языков Брянского госуниверситета в количестве 18 человек в каждой группе, обучающиеся по направлению «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение»). Исследование проводилось в рамках выпускной квалификационной работы [Кульбакова 2017] (ранее предпринималась попытка исследовать эффективность лозунгов президентской кампании 2016 г. в США через оценочное восприятие индивида [Кульбакова 2015; Чугунова 2016; Чугунова, Кульбакова 2016]).

Политический лозунг (слоган, девиз), относящийся к агитационной разновидности политической рекламы, представляет собой прототипичный жанр политического дискурса: он выполняет регулятивную функцию в различных её аспектах, является непосредственным инструментом политической борьбы и занимает ведущее место в политической коммуникации «граждане ↔ институт». Лозунг определяется как «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу, требование» [БТСРЯ 1998]. Лозунг занимает промежуточное положение между отдельным словом и полноценным предложением [Лассвелл 2006: 274], его основными содержательными характеристиками являются: тематическая однофокусность (постулируется одна идея); максимальная эксплицитность смысла; упрощённая подача проблемы; простые и выразительные образы; злободневность; чёткая идеологическая маркированность; эмоциональность. Лапидарность, суггестивность и энергетика лозунга во многом достигаются за счёт особенностей его синтаксической и фонетической структур: текст, как правило, состоит из одного предложения, при этом преобладают простые утвердительные предложения; значителен удельный вес безглагольных конструкций и назывных фраз; используются ритм, рифма и аллитерация; через

постоянное повторение ключевых слов декларируются наиболее выигрышные стороны политического (идеологического) «товара» [Шейгал 2000: 40]. Также в политических лозунгах широко распространены так называемые лозунговые слова: *свобода, равенство, справедливость, демократия, мир, отечество*. С одной стороны, приветствуются новизна формы и языковая игра; с другой стороны, значение приобретает актуализация стереотипов через обращение к речевым штампам и клише [цит. раб.: 346, 348–357]. Несмотря на то, что чаще лозунг составляет отдельный завершённый текст, который может получить статус прецедентности и войти в число жанров политической афористики, автономность лозунга относительна, и он содержательно согласуется с текстами других жанров определённого политического события. Специалисты по политической рекламе считают, что основным условием успешности предвыборного лозунга является его непротиворечивость по отношению к ключевым положениям рекламной кампании кандидата [цит. раб.: 344–345].

Указанные свойства политического лозунга позволили составить шесть семантических шкал, в соответствии с которыми на первом этапе эксперимента студенты 3 курса факультета иностранных языков – носители русского языка должны были оценить предъявленные им лозунги российских политических партий и движений: *Единая Россия – сильная Россия!* («Единая Россия»); *Свобода, закон, порядок!* («ЛДПР»); *Россия, труд, народовластие, социализм!* («КПРФ»); *Наш выбор – новый социализм!* («Справедливая Россия»); *Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму* («Коммунисты России»); *Свобода. Уважение. Ответственность.* («Яблоко»); *Патриотизм выше политики* («Патриоты России»); *Природе нужен твой голос!* («Зелёные»); *Рост будет!* («Партия Роста»). Бесспорно, все эти примеры содержат признаки, способствующие основной цели – сделать лозунг ярким, понятным, убедительным и хорошо запоминающимся. Практически все они лаконичны, максимально эксплицитны по смыслу и по большей части стереотипны – призывают к патриотизму, ответственности, акцентируют главные идеологические ценности, напоминают о славном прошлом. Однако наиболее удачным, с нашей точки зрения, следует признать лозунг «Единой России» – и по содержательной, и по формальной составляющей. Таким же простым, незатейливым, ритмичным, легко запоминающимся благодаря ассонансу и в то же время эксплуатирующим высокие патриотические чувства американского электората был слоган Дональда Трампа *Make America Great Again* в президентской кампании 2016 г.: ср. *Сильная Россия – great America*. Любопытно, что в нашем предыдущем эксперименте лозунг Трампа набрал наибольшее количество положительных оценок испытуемых, за ним следовал лозунг Хилари Клинтон; причём эксперимент проводился в разгар политической борьбы, когда было неясно, что именно эти кандидаты выйдут на финишную прямую [Кульбакова 2015; Чугунова 2016; Чугунова, Кульбакова 2016].

Оценочными семантическими шкалами выступили антонимичные пары: «хороший – плохой»; «сильный – слабый»; «активный – пассивный»; «простой

– сложный»; «умный – глупый»; «приятный – неприятный». При этом левый полюс каждой шкалы ассоциировался с положительной оценкой (+), а правый – с отрицательной (-); Ии. также имели возможность оценить стимул как нейтральный (0). После этого каждому испытуемому предлагалось перевести все стимулы на английский язык. Несмотря на то, что перевод грамматики и лексического состава стимулов не предполагал каких-либо трудностей, Ии. разрешалось пользоваться словарём. На втором этапе эксперимента студенты 1 курса факультета иностранных языков должны были оценить англоязычные переводы согласно тем же семантическим шкалам.

Сравнение должно было подтвердить или опровергнуть рабочую гипотезу, т.е. продемонстрировать несовпадение коммуникативных эффектов ИТ и ПТ. Дополнительной гипотезой послужило предположение о том, что переводы должны получить больше нейтральных оценок, чем оригиналы, поскольку родной язык и иностранный язык, а, следовательно, текст на родном языке и текст на иностранном языке оказываются для индивида в разных весовых категориях, особенно учитывая искусственный (учебный), а значит ограниченный характер билингвизма наших студентов (*classroom bilingualism*), который совсем не гарантирует переход количества в качество (о проблемах теории учебного двуязычия см.: [Залевская 1996; 2016]). Кроме того, студентам должна быть знакома фоновая, экстралингвистическая ситуация на политическом небосклоне России, хотя преподавательский опыт подсказывает, что очень небольшой процент современной молодёжи интересуется политикой. В продолжение этой гипотезы дополнительным допущением явилось также то, что ИТ должны были набрать больше положительных оценок, чем ПТ, потому что над созданием стимулов на русском языке (Я1) трудились профессионалы, политтехнологи, а их перевод на английский язык (Я2) осуществляли студенты, хотя и с хорошим уровнем владения Я2, но всё же только обучающиеся ремеслу перевода. Общий результат по оцениванию оригиналов и их переводов сведён в таблицу (см. табл. 2).

По причине того, что в рамках студенческой исследовательской работы не представлялось возможным обработать 3240 реакций, на втором этапе эксперимента испытуемые работали с одним или двумя вариантами полученных на первом этапе переводов (ПТ). Отсюда, в таблице по некоторым стимулам в скобках приводятся оценки второго варианта ПТ. Всего было получено 180 ПТ.

Даже беглого просмотра сведений в таблице достаточно, чтобы сделать вывод о том, что ни одна из дополнительных гипотез не нашла своего подтверждения. Так, если стимулы 1 и 5 действительно набрали больше положительных оценок, чем ПТ, то с остальными стимулами картина прямо противоположная. С нейтральными оценками ситуация примерно такая же: по одним стимулам лидируют ИТ, по другим – ПТ, причём по стимулу 8 первый вариант ПТ уступает по количеству нейтральных оценок, а второй – наоборот, превосходит.

Табл. 2. Суммарные результаты оценки стимулов и их переводов

Стимул	Оценки:			Перевод (ПТ)		
	+	0	-	+	0	-
1. <i>Единая Россия – сильная Россия!</i>	74	28	6	56(70)	43(35)	15(9)
2. <i>Свобода, закон, порядок!</i>	53	39	16	75	35	4
3. <i>Россия, труд, народовластие, социализм!</i>	23	59	26	35	44	35
4. <i>Наш выбор – новый социализм!</i>	29	57	22	27	61	26
5. <i>Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму</i>	30	33	45	18(25)	61(39)	35(50)
6. <i>Свобода. Уважение. Ответственность.</i>	56	42	10	72	33	9
7. <i>Патриотизм выше политики</i>	43	41	24	47	47	20
8. <i>Природе нужен твой голос!</i>	36	36	36	76(51)	23(44)	15(19)
9. <i>Рост будет!</i>	30	39	39	33	61	20

Разберём стимулы, по которым результаты оценки (коммуникативный эффект) ИТ и ПТ, скорее, совпадают, или наоборот, – скорее, не совпадают. В первую группу, безусловно, входит лозунг *Единая Россия – сильная Россия!* (см. рис. 3). Среди переводов этого стимула встречаются следующие: *Russian unity, Russian strength / United Russia is powerful Russia / The Unity is our Strength / United Russia is strong Russia / The power of Russia is in harmony*. Самым частотным и самым близким к результатам оценки ИТ стал ПТ2 *United Russia is (a) strong Russia*. Чуть меньшую степень сходства демонстрирует ПТ1 *Russian unity, Russian strength*. Близость оценок ИТ и ПТ2 может свидетельствовать в пользу вывода о совпадении коммуникативных эффектов этого варианта перевода и оригинала. Практически дословный перевод *United Russia is (a) strong Russia* и совпадение коммуникативных эффектов ИТ и ПТ представляют редкое сочетание эквивалентного и адекватного перевода (о спорах вокруг этих понятий в переводоведении см. [Швейцер 1988]).

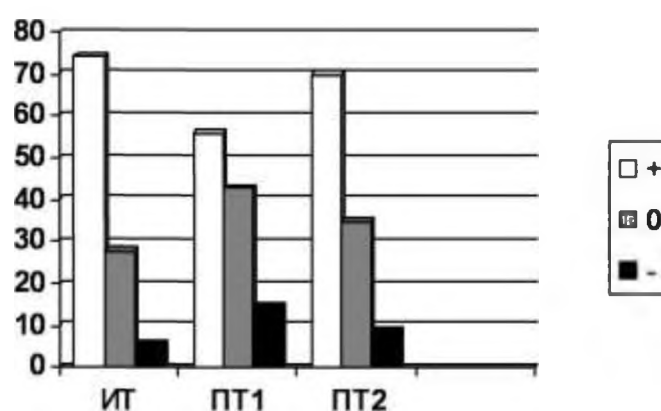

Рис. 3. Результаты оценки ИТ и ПТ стимула 1

Для сравнения разберём стимул *Природе нужен твой голос!* (см. рис. 4).

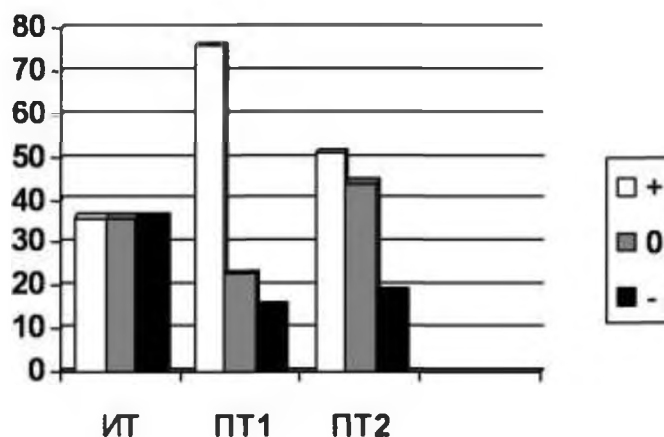

Рис. 4. Результаты оценки ИТ и ПТ стимула 8

Стимул 8 набрал одинаковое количество положительных, отрицательных и нейтральных оценок, тогда как оба варианта ПТ отличаются не только от ИТ, но и друг от друга. Среди переводов данного стимула были следующие: *Nature needs you / (The) Nature needs your voice / Nature needs your vote / You voice is needed / The weather calls for the voice (The weather needs your voice)*. Самым частотным стал ПТ *Nature needs your voice*, однако для оценки ПТ на втором этапе эксперимента были отобраны два варианта: *Nature needs you* (ПТ1) и *Nature needs your vote* (ПТ2). В результате наибольшее количество положительных оценок набрал ПТ1, хотя с точки зрения передачи смысла наиболее адекватным следовало бы считать ПТ2.

Хотелось бы прокомментировать по крайней мере ещё один стимул 5 – лозунг *Десять сталинских ударов по капитализму и американскому империализму* (см. рис. 5). Этот стимул на первом этапе эксперимента набрал наибольшее количество отрицательных оценок, которые значительно опередили общую положительную оценку и общую нейтральную оценку. В качестве перевода ии. были предложены следующие варианты:

We'll hit capitalism and American imperialism tenfold in Stalin's way / Ten Stalin's (Stalin's ten / Stalinist) strokes (on) for (strikes on (against) / blows to / attacks on / hits on (to) / crack-downs on) capitalism and American imperialism / Beat ten times on capitalism and American imperialism / Ten Stalin kicks on capitalism and American imperialism / Let's hit capitalism and American imperialism ten times like Stalin did / Ten Stalin's impact to (заменено на *attack on*) *capitalism, Americanism, imperialism*.

Сопоставим ПТ1 (*Ten Stalin's hits on capitalism and American imperialism*) и ПТ2 (*Let's hit capitalism and American imperialism ten times like Stalin did*), результаты которых разошлись между собой, хотя очевидно, что результат оценивания ПТ2 приближается к результату оценивания ИТ. Последнее может свидетельствовать в пользу сходного коммуникативного эффекта, а значит в пользу адекватности данного варианта перевода. По нашему мнению, ПТ2 проигрывает ПТ1 только тем, что он длиннее, а в политической рекламе приветствуется краткость, лаконичность. Возможной причиной превалирования отрицательной оценки над положительной по обоим ПТ и ИТ может служить в

целом отрицательное отношение в молодёжной среде к эпохе сталинизма в истории нашей страны.

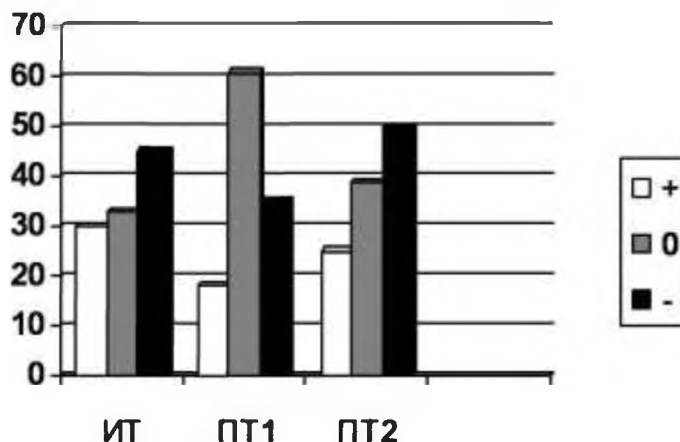

Рис. 5. Результаты оценки ИТ и ПТ стимула 5

В качестве вывода следует заметить, что попытка с помощью психолингвистического эксперимента сопоставить коммуникативные эффекты, производимые ИТ и ПТ, сближение которых большинство переводоведов связывают с понятием адекватности в переводе, себя оправдала. Напомним, что до сих пор нам не встречались исследования (возможно, они есть), в которых рассуждения о качестве перевода с привлечением понятий адекватности и коммуникативного эффекта не выходили бы за рамки теоретических построений.

К сожалению, не редки работы, особенно молодых, начинающих специалистов, рассуждения которых выглядят примерно так: перевод оригинальной фразы *There were long cracks on the wall* как *Стена была покрыта трещинами* нельзя считать адекватным, так как переводчик опустил прилагательное *long*, и поэтому коммуникативный эффект не был достигнут. Безусловно, остаётся ещё много вопросов, и, скорее всего, наше собственное исследование далеко не безупречно. Но то, что назрела необходимость связать теорию перевода с деятельностным подходом, с психолингвистическим методом исследования, не может вызывать никаких сомнений.

Заключение

В последнее время в изучении переводческих проблем появляется всё больше изысканий, в центре внимания которых оказывается не текст, а понимающий и продуцирующий его человек. Результаты проводимых экспериментальных исследований убеждают, что перевод следует рассматривать как сложный, многогранный, многоступенчатый психический процесс, не укладывающийся в жёсткие логико-рационалистические рамки лингвистического анализа. Очевидно, что существенную роль в переводе играют чисто человеческие факторы: закономерности мыслительных

процессов, объём памяти, соотношение долговременной и оперативной памяти и многое другое. Подход к языку как к достоянию активного, чувствующего, мыслящего, переживающего и оценивающего индивида, осуществляющего переводческую деятельность по законам речемыслительной деятельности в определённых культурно-исторических условиях и руководствующегося своей системой целей и мотивов, со своим внутренним контекстом, заставляет обратиться к изучению перевода и его различных аспектов с психолингвистических позиций, с позиций теории речевой деятельности, привлекая разработанные психолингвистами теории, методы и приёмы исследования.

Список литературы

- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
- Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. 79 с.
- Галеева Н.Л. Перевод в культуре: уточнение статуса и понятий // Критика и семиотика. Вып. 9. 2006. С. 24–35; То же [Электронный ресурс] // Новосибирский государственный университет: Новосибирск, 2006 / URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs9galeeva.pdf>.
- Горбань В., Побережная О. Гендерная асимметрия при переводе // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 6. Мова, текст, культура. Одеса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2004. С. 24–28.
- Залевская А.А. Понимание текста: Психолингвистический подход. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. 95 с.
- Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 206 с.
- Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 134 с.
- Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. 195 с.
- Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
- Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Zalevskaya A. Interfacial theory of word meaning: a psycholinguistic approach. London: IASHE, 2014. 180 p.
- Залевская А.А. Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов [Электронный ресурс]. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. 269 с.
- Засекин С.В. Художественный перевод как объект психолингвистики // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Мат-лы междунар. школы-семинара (VI Березинские чтения). Вып. 17. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. С. 50–58; То же [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-2982577-pall.html> (дата обращения: 15.04.2016).
- Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. 180 с.
- Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. 99 с.
- Коптілов В.Д. Першотвір і переклад. Роздуми і спостереження. К.: Дніпро, 1972. 215 с.

Куликова Ю.С. Влияние личности переводчика на перевод художественных произведений: гендерный аспект (на материале русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 18 с.

Кульбакова М.В. Психолингвистические механизмы манипулирования сознанием в политических лозунгах: Курсовая работа. Брянск: БГУ, 2015. 45 с.

Кульбакова М.В. Оценка качества перевода с психолингвистических позиций: Выпускная квалификационная работа. Брянск: БГУ, 2017. 92 с.

Кушнина Л.В., Аликина Е.В. Система оценки качества устного последовательного перевода в свете теории гармонизации // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 4 (10). С. 46–51.

Лассвелл Г. The language of power: Пер. с англ. М.В. Толмачева // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 1 (20). С. 264–280.

Нелюбин Л.Л., Князева Е.Г. Переводческая лингводидактика. М.: Флинта, 2009. 320 с.

Нестерова Н.М. «Переводить – лучший способ читать»: психолингвистика vs лингвистика перевода // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Мат-лы междунар. школы-семинара (VI Березинские чтения). Вып. 17. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. С. 74–78; То же [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-2982577-pall.html> (дата обращения: 15.04.2016).

Сдобников В.В. Коммуникативный эффект в двуязычной коммуникации: уточнение понятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 9 (588). С. 121–130.

Сорокин Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 107–115.

Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики. Калинин: Калининский государственный университет, 1978. 84 с.

Чугунова С.А. Перевод с психолингвистических позиций // Дополнительное профессиональное образование в системе подготовки конкурентоспособного специалиста на рынке труда: Сборник научных трудов I Всероссийской научно-практической конференции. Брянск: Изд-во ГК «Десяточка», 2011. С. 350–355.

Чугунова С.А. Экспериментальное исследование воздействия политических лозунгов на оценочное восприятие индивида // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 287–293

Чугунова С.А. Коммуникативный эффект и оценка качества перевода с психолингвистических позиций // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. С. 81–90.

Чугунова С.А. Оценка качества перевода с применением метода семантического шкалирования // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: тезисы Третьей международной научной конференции, Вологда, 10–12 мая 2018 г. / М-во обр. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т [и др.]. Вологда: ВоГУ; Н. Новгород: НГЛУ, 2018. С. 94–96.

Чугунова С.А., Кульбакова М.В. Воздействие политических лозунгов на оценочное восприятие индивида // Язык. Образование. Культура: Сборник материалов X Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвящённой 81-летию КГМУ (25-30 апреля 2016 г.). Курск: КГМУ, 2016. С. 58–66.

Чугунова С.А., Трепышко Д.В. О возможном влиянии гендера на психотипическое сходство автора и переводчика // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2016. С. 17–25.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

Яковлев А.А. Психолингвистические аспекты перевода. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 160 с.

Яковлев А.А. Влияние знания языка на качество перевода (экспериментальное исследование) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 2. С. 358–363.

Яковлев А.А., Манюкова А.К. Отношение переводчика к переводимому тексту: экспериментальное исследование // Наука и мир. 2014а. Т. 2, № 6 (10). С. 138–141.

Яковлев А.А., Манюкова А.К. Переводимый текст в рефлексии переводчика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014б. № 4. С. 276–281.

Bem, S.L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42, № 2. Pp. 155–162.

Bem, S.L. Gender schema theory: A cognitive account of sex typing source // Psychological Review. 1981. Vol. 88, № 4. Pp. 354–364.

Bem, S.L. The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality. New Haven, CT: Yale University Press, 1993. 244 p.

Bunz, U. & Campbell S. Accommodating politeness indicators in personal electronic mail messages [Электронный ресурс] // The Association of Internet Researcher's 3rd Annual Conference Maastricht, The Netherlands, October 13–16, 2002. URL: <http://bunz.comm.fsu.edu/AoIR2002politeness.pdf> (дата обращения: 10.01.2012).

Campbell, S.J. Towards a model of translation competence. // Meta. 1991. Vol. 36, № 2/3. Pp. 329–243.

Dubois, B.L. & Crouch, I. The question of tag question in women's speech: They don't really use more of them, do they? // Language in Society. 1975. Vol. 4, № 3. Pp. 289–294.

Gile, D. L'évaluation de la qualité de l'interprétation par les délégués: une étude de cas // The Interpreters' Newsletter, 1990. № 3. 3. 66–71.

Gouadec, D. Parametres de l'évaluation des traductions // Meta. 1981. Vol. 26, № 2. Pp. 99–116.

Hatim, B. & Mason I. The translator as communicator. London: Routledge, 1997. 244 p.

Kussmaul, P. Training the translator. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 177 p.

Larose, R. Theories contemporaines de la traduction. Montreal: Presses de l'Université de Quebec, 1989. 265 p.

Nemati, A. & Bayer J.M. Gender differences in the use of linguistic forms in the speech of men and women – A comparative Study of Persian and English [Электронный ресурс] // Language in India (a monthly online journal). 2007. Vol. 7, № 9. URL: <http://www.languageinindia.com/sep2007/index.html> (дата обращения: 04.01.2012).

Newmark, P. About translation. Clevedon–Philadelphia–Adelaide: Multilingual Matters Ltd., 1991. 184 p.

Snell-Hornby, M. On models and structures and target text cultures: Methods of assessing literary translations // J.M. Borillo (ed.), La traducció literària. Castelló de la Plana: Publicacions de la Universitat Jaume I, coll. Estudis sobre la traducció, 1995. № 2. Pp.43–58.

Stansfield, C.W., Scott, M.L. & Kenyon, D.M The measurement of translation ability // The Modern Language Journal. 1992. Vol. 76, № 4. Pp. 455–67.

Waddington, Ch. Different methods of evaluating student translations: the question of validity // Meta. 2001. Vol. 46, № 2. Pp. 311–325.

**LANGUAGE PERFORMANCE
IN THE CONTEXT OF LINGUO-CULTURAL INTERACTIONS:
ACTIVITY-ORIENTED APPROACH**

S.A. Chugunova

Experimental research has shown that translation is a complex, many-sided and multi-level psychic process that eludes explanation within the rigid framework of logical linguistic analysis. Thus, we provide support for the activity-oriented (psycholinguistic) approach to the study of translation with the application of theories and methods that have evolved within this paradigm. In particular, we consider the activity-oriented psychotypical/interpretative translation theory and address the question of the psychotypical nearness between the author and the translator as a contributor to producing an adequate target text. We suggest that the common gender identity might be a manifestation of such nearness. In addition, the chapter presents a review of publications on the interconnected notions of translation quality assessment, translation competence and communicative effect that fit in with the activity-oriented approach. We also report on the experiment that was aimed at measuring the communicative effect of the source and target texts of political slogans

***Keywords:** activity-oriented (psycholinguistic) approach, psychotypical translation theory, gender identity, translation quality assessment, translation competence, communicative effect*